

Полуправда. Нигматуллин

Category: Kitarcy, Teatr we kino sungaty

написано kitarcy | 24 января, 2025

Полуправда. Нигматуллин ПОЛУПРАВДА. НИГМАТУЛЛИН.

В восьмидесятых эта фамилия была на слуху. Кино. Немногословный красавчик Талгат Нигматуллин, харАктерный актёрский образ, склёпанный в цехах Узбекфильма и киностудии Горького. Такой себе Брюс Ли «Made in USSR», наш ответ капиталистическому кинематографу – фабрике бездуховности, потребительства и наживы.

В отличие от своего заокеанского прототипа, Талгат всё больше появлялся в роли отрицательных персонажей. Особенно запомнился зрителям коварный Салех в ленте «Пираты XX века». Удивительно, но незатейливый боевик про судно с грузом медицинского опиума, сначала захваченное злоумышленниками, а потом отбитое своей же командой, стал абсолютным лидером отечественного проката за всё время существования СССР. Позади остались и разобранная на цитаты семейная мелодрама «Москва слезам не верит», и культовый фильм-катастрофа «Экипаж», и популярные комедии Гайдая.

Не помню ни одной фразы, ни одной шутки из «Пиратов». А вот это как раз и не удивительно. Плоские персонажи произносят пустые, незначительные реплики. Актёрам в подобном безвоздушном пространстве сложно продемонстрировать мастерство. Да они, похоже, не особенно и старались. В чем тогда секрет феноменального успеха у публики? Что такого не смог найти для себя зритель из самой читающей в мире страны в фильмах Рязанова и Данелия? За что голосовал трудовым рубликом?

Могу ошибаться, но вижу только одну причину – каратэ на экране.

Каратэ. Экзотика, агрессия, сверхвозможности. Это не борьба самбо, больше похожая на производственную гимнастику, выхолощенная до демонстрационных пустых приёмчиков, не бокс, надоевший бесконечными победами наших и кубинцев на

любительском уровне.

Каратэ манило, каратэ завораживало.

Вот и в «Пиратах» в кадре мелькают настоящие нунчаки, а плохие и хорошие киногерои, как на подбор, подтянутые и спортивные, медленно разводят в стороны напряженные мускулистые руки, а потом внезапно атакуют соперника ударом ноги в голову с узнаваемым полукриком-полувыдохом «Ки-йаа!!!». Среди этих суровых воинов обеих мастей, выделялся он, Талгат Нигматуллин, невозмутимый, как Будда, неотразимо притягательный, ставший на сторону зла. И замирали сердца комсомолок в тёмном кинозале. Да и комсомольцы, что скрывать, смотрели на экран с восхищением. Мечтали быть хоть немного похожими.

Через год после выхода фильма на экраны каратэ официально запретят, организаторам доморощенных секций будет светить реальный уголовный срок. Единоборство уйдет в подполье, став ещё популярнее. Запретный плод сладок.

А в нашем седьмом «В» был свой Нигматуллин.

Женька. Никакого сходства с киношным однофамильцем. Болезненно толстый, рыжие волосы на большой голове торчат во все стороны, черепушка просвечивает. Вдобавок голос тонкий. С таким голосом лучше бы молчать, а Женька нет. То причитает, то стонет. Как баба, точно.

Неопрятный он какой-то. Волосы короткие, а на воротнике всегда перхоть. Носом шмыгает. И ноет по любому поводу. Успокаивается только когда на обед идём.

– Ну сколько можно жрать? Слышишь, ты и так уже на свинью похож – босяк и двоечник Серега Бульба по кличке Буля, пару минут наблюдает, как жадно работает ложкой Женька. Буле хорошо говорить, он сам худой и мускулистый. На физре подъем с переворотом на спор шестнадцать раз сделал. Соседи по столу одобрительно ржут. И правда. Похож. Когда ест – чавкает. И пухлые щечки трясутся. Женька на мгновение отрывается от тарелки, виновато смотрит на Серегу покорными глазами домашней скотинки и возвращается к липкой столовской вермишели.

– Пылесос – делает вывод Буля – Жирдяй. Мою дохаваешь? Отсыпать?

Доставалось Женьке и за плаксивый характер, и за узкие жирные

плечики, но больше всего – за запах. Он легко потел, даже пару пролётов вверх по школьной лестнице сбивали дыхание и покрывали лоб липким глянцем. Запах – самое противное. Резкий, приторно-сладкий, заполняющий пространство в радиусе полуметра. Лезущий в ноздри. Спасенье одно – вклеить подзатыльник или от души засадить ногой в рыхлую задницу и прогнать чмошника. Вонючка. Пошел вон отсюда. Не воняй.

Женька единственный, кто не рубится в тренку. Все остальные пацаны, и хулиганы, и отличники, играют. Его не берут, а скорее всего, он и сам не хочет. Не могу представить его стучащим монетами по подоконнику школьного коридора.

– А чо, неплохо. Рубля два сёдня по лёгкому срубил – неуловимо похожий на мелкого уличного пса Лёня Тараканов радостно скалит зубы и с гордостью звенит мелочью в кармане.

– Да чо ты хвастаешься? – это его брат Андрей – всё равно потом проиграешь. Как обычно.

– С каких дел?

– С таких. Выигрываешь – выигрываешь, а потом у меня занимаешь.

– Когда я у тебя последний раз занимал?

Пацаны с ленивым интересом следят за обычной для братьев Таракановых перепалкой и только я тайком наблюдаю за Женькой. Толстяк уверен, что сейчас его никто не видит. Примостился в уголке, чуть отвернулся от всех и крутит указательным пальцем в ноздре, сцарапывая непокорную козявку. Выражение лица при этом, словно трудную задачу по физике решает. Вот чмошник. Дальше ещё хуже: когда он наконец своего добился – вытер руку о штанину. Фу бля, мерзость. В туалет сходить высморкаться нельзя было? Жирдяй. Вонючка.

Но была-таки одна тема, которая притягивала пацанов к Нигматуллину. Тех притягивала, понятное дело, кто в душе немного садист. Иголки. Женька боится уколов. Любых. Панически. До истерики.

Перемена. В кабинет физики до звонка не пустят – Борис Сергеевич опасается, и не напрасно, что гопота седьмого «В» потянет что-нибудь из собранного с любовью по крупицам оборудования. Слоняемся по коридору. Скучно. Тут очередной

мучитель, глядя Женьке в глаза, медленно расцепляет застёжку значка на груди, и тяжелыми командорскими шагами (на публику работает) начинает сближение с жертвой. «Не надо!» Толстяк комично складывает в мольбе ручки и вопит фальцетом. Смешно. Остриё медленно и неотвратно приближается к цели. «Не надо! Умоляю!» Женька роняет портфель и бросается наутёк. Далеко не ушёл. Грохнулся на пол – Игорь Шалыгин заботливо подставил ногу. Из-за угла выворачивает физик и мгновеньем позже школьный звонок заглушает все остальные звуки. Расслабься, толстяк. Казнь откладывается.

Свидетелем подобных сцен был многократно. И, честно говоря, тоже отцеплял значок с груди. А фигли? Это очень забавно. Жирдяя никогда не кололи. Я, так точно не колол. Только угрожал. «Не надо! Прекрати! Прекрати же! Я умоляю тебя». Ржачное словечко «умоляю». Особенно, когда громко, тонким голосом и при этом неподдельный ужас в глазах.

Чаще других Нигматуллина мучает Рафа. Рафаиль Галиев. Спокойный, дружелюбный, немногословный парень в жизни, чем ему Женька не угодил? Не знаю. Да какая разница? У Рафы плохое зрение и врачи выписали ему очки. Тот прячет их в портфеле и надевает в крайних случаях. На экзаменах и самых важных контрольных. Чтобы друзья не чморили. Очки носят чмошники. Рафа стремится быть нормальным пацаном и каждый божий день терзает Женьку.

– Толстый! Слышь, Толстый. Эй! Толстый! Слышишь меня? – Рафа громко шепчет через три парты сидящему в одиночестве в первом ряду Нигматуллину. Женька всегда один за партой. Считается, что если просидишь с ним рядом урок, то тоже провоняешься. Это неправда, но никто предпочитает не рисковать. Даже наши девчонки.

– Толстый! Тебе говорю.

– Ну чего тебе? – не выдерживает тот, оборачивается и отвечает тоже шепотом.

– До звонка осталось одиннадцать минут – торжественно объявляет Рафа для всего класса и при этом многозначительно поглаживает маленький алюминиевый профиль Ленина на груди. Женька стонет в голос.

– Нигматулин, ну в чем дело? – биологичка раздражена. И без того трудно рассказывать новую тему стаду балбесов, а тут еще вопли непонятные.

– Простите, Светлана Борисовна. Я случайно. Клянусь! Простите, пожалуйста.

Светлана психует, а нам весело. Прикольно Рафа намекнул. Остроумно. Жирдяй очкует. Десять минут осталось.

Рафина двоюродная сестра Неля тоже училась с нами. Неля Галиева, хорошо её помню. Стройная бледнокожая татарочка с немного сонным выражением лица. Как-то вечером к ней в дверь позвонили знакомые, позвали постоять в подъезде, покурить. Неля накинула куртку и выскочила из квартиры. В тапочках. Через полчаса родители забеспокоились. Выглянули в подъезд – пусто. Отец взял фонарик и вышел на улицу. Неля лежала в палисаднике, подвернув под себя левую ногу, уткнувшись лицом в жухлую октябрьскую траву. Даже крови не было. Приехавшие милиционеры сказали несчастный случай, упала с крыши. Никто не виноват. Это случится потом, через три года, я буду в десятом, Неля – второкурсница в педагогическом техникуме. А пока, предельно серьезный Рафа, на радость зрителям, подносит значок к переносице и близоруко щурится, пытаюсь рассмотреть достаточно ли остра игла, а встревоженный толстячок, забыв про биологию, торопливо шепчет, пытается разжалобить своего учителя «Рафаиль, Рафаиль, я прошу тебя. Рафа, ну пожалуйста, не надо».

Почему за него никто не заступался? Прошло уже столько лет, но я до сих пор задаю себе этот вопрос. Весь класс травил одного, и никто не встал на защиту. Разве что кто-то из девчонок изредка пытался нас пристыдить.

– Ребята, ну это же гадко, перестаньте.

– А фигли он жирный такой? Как свинья.

– Он не виноват. Это обмен веществ.

– Жрать не надо и не будет обмена веществ.

Может потому что он и сам не обижался? Он сам легко позволял так с собой обращаться? Можно вlepить ему затрещину, пнуть, или погрозить иголкой, потом прицепить значок на место и спросить, как ни в чем не бывало

– Жень, слышь. А ты алгебру сделал? Дай скатать.

И Женя с облегчением лезет в портфель и протягивает тебе тетрадь.

– На. Бери пожалуйста. Я только там, похоже, упражнение сто восемьдесят шесть неправильно решил.

Нет. Был один раз, когда за Женьку заступились. Сентябрь. Урок труда. Мастерская в дальнем крыле школы. Мы стоим у верстаков и дружно царапаем напильниками зажатые в тисках заготовки. Трудовик Сергей Анатолиевич, здоровый усатый мужик лет тридцати пяти лениво посматривает за нами из своей каморки. Он занят халтурой. Берет у знакомых бытовую технику в ремонт и в рабочее время приводит в порядок велосипеды, фены, утюги и радиоприемники. Сейчас он занят стиральной машиной «Малютка». Жарко. Открыто окно, открыта дверь в пустой школьный коридор. Небольшой спасительный сквозняк.

– Слышь, жирдяй. Иди отсюда нафиг. – Аскар Кенжибетов несколько раз легонько пинает стоящего рядом и обливающегося горячим потом Женьку – Ты чо, глухой? Я тебе говорю.

– Я не могу. Я должен работать. – Женька вертит задом, стараясь увернуться от пинка, но не уходит. Больше свободных верстаков нет.

– А я чо? Обязан твои потняки нюхать? Пошел нафиг прямо сейчас.

Сергей Анатолиевич поднимает голову.

– Кабан, оставь человека в покое.

– Кабан? Он назвал меня Кабан? – свистящим шепотом недоверчиво переспрашивает у нас Кенжибетов. Его глаза блестят. Вообще-то «Кабан»- это его кличка. Все пацаны его так называют. Девочки и учителя – по фамилии, изредка по имени. Кабан тоже толстяк, на турнике, как Буля, уровень показать не сможет. Зато в регулярных школьных стычках за чужие спины не прячется, всегда лезет в числе первых.

– А чо, ты у нас теперь не Кабан? – это Арман Маженов, шишка номер один в классе. В его голосе ирония. Когда ты самый сильный, необязательно быть остроумным. Всегда найдутся желающие посмеяться над любой твоей шуткой.

– Так Анатолич специально двух кабанов рядом поставил, –

радостно поддакивает Арману Лёня Тараканов. Удачно Лёня подметил, все ржут. На свою беду Женька тоже начинает хихикать.

– А ты чо лыбишься, Вонючка? – Кабан таки не рискует сорвать злость на Армане, поэтому должен пострадать слабейший. Ляп! Женька взвизгивает и хватается за враз порозовевшую от пощечины щёку. В его глазах страх. Будет ли продолжение или он достаточно наказан за проявленную дерзость? Трудовик со вздохом сожаления отрывается от стиралки и выходит из каморки.

– Шалыгин, закрой-ка на минуту, – говорит он ближайшему к двери пацану. Игорёк дверь закрывает, а в глазах любопытство «Что сейчас будет?» Трудовик подходит к Кабану. Кабан ниже на полторы головы. Анатолич пару секунд задумчиво смотрит на него, а потом резко бьет ребром ладони в шею чуть выше ключицы. Кабан как мешок падает на пыльный пол. Сделав дело, трудовик возвращается к неработающей машинке. После минуты тишины один за другим снова начинают елозить по заготовкам наши напильники. Мы стараемся не смотреть на скрючившегося на полу одноклассника.

– Шалыгин, блин, дверь-то открой! Не в сауне! – доносится голос Анатолича из каморки. Минут десять спустя Кабан начинает шевелиться, потом, схватившись за верстак, тяжело поднимается и на нетвердых ногах направляется на выход. Не жаловаться, нет. В туалет. Умыться, себя в порядок привести. Аскар нормальный пацан, а чо.

«Это Кара-кара-кара кара-кара-кара-кум. Это Кара-кара-кара кара-кара-кара-кум» в подхрипывающих басами колонках голос певца Игоря Саруханова. Дискотека в школьном актовом зале. В центре полутемного помещения в такт очень незамысловатому шлягеру о туркменской пустыне топчутся три десятка школьников. Я замечаю сидящего в углу Женьку. Он ходит на дискотеки, но не танцует. Понятное дело. Жирдяй.

– Слышь, Женя. А что ты больше всего на свете любишь? – неожиданно для самого себя спрашиваю я его. Он серьезно смотрит на меня и так же серьезно отвечает

– Спать.

«Вот ты блин – думаю я – футбол, музыка, девчонки. В жизни

столько всего интересного. А жирдяй спать любит. Несчастный человек».

Урок черчения. Галину Петровну вызывают в коридор. Всего пару минут, мы и побеситься не успели. Вернувшись, она объявляет:

– Нигматуллин! Женя, собирайся. Бери портфель и в учительскую. Женя начинает собираться, суетливо и бестолково. Роняет на пол карандаш. Грифель ломает. Я замечаю, что у него трясутся руки. – Чо за кипиш? – ревниво интересуется Кабан. Чтобы в середине урока человека забирать. Такое было только с самим Кабаном. Участковый наведывался. Но Нигматуллин тихоня и ментам вряд ли может понадобиться.

Галина Петровна отвечает только после того, как дверь за толстячком закрывается.

– Отец у него умер, ребята. Пару часов назад. Прямо на лекции. Назавтра уроки отменяются. Всем классом едем на похороны. Сбор на одиннадцать, прямо в Женькином дворе. Оттуда автобусом на кладбище, потом вернут к школе. Я адрес знаю приблизительно, потому выхожу заранее. Но найти оказалось легко, возле одного из подъездов уже собралась толпа. Помимо обязательных соседских бабушек, тут были студенты и преподаватели автомеханического техникума, где читал математику Нигматуллин-старший. Пяток траурных венков и черная с фиолетовым крышка гроба. Хмурый седой мужик выставляет на неровном асфальте две табуретки для гроба, на третью ставит фото в черной рамке. Нигматуллин Ильяс Абубакирович 1932-1985. Это пятьдесят три ему, получается, было. А когда Женька родился, то уже почти сорок. Чем же ты думал, Ильяс Абубакирович, когда ребёнка заводил, не понимал, что ли, что можешь не успеть его вырастить? В мои четырнадцать мне кажется, что после тридцати поздно думать о детях.

Из наших только Лёня Ким, пока подтягиваются остальные мы подходим к кружку парней из технаря. Там в центре очевидец в который раз пересказывает события вчерашнего дня.

– Короче у нас вторая пара – практика. Ну всё как обычно. Потом меня Ляс Бакирыч вызвал задачу решать. Ну я это, маленько короче запутался. Он стал вместо меня на доске писать. А мел, короче, взял новый кусок. Длинный. Ну он у него

и сломался. Он так резко за ним нагнулся. Потом еще маленько написал и ушёл за стол сел. Криво так пошёл, я ещё подумал, что пьяный что ли? Ладно. Я смотрю на задачу дальше и всё равно не понимаю. Я такой «Ляс Бакирыч, а дальше то что?». А он такой «Сейчас, сейчас» а сам голову наклонил и лоб трёт. Потом хрюкнул и со стула вниз. Типа как под стол прячется. Наши заржали, а я понял, что фигня какая-то. Нагнулся к нему, а у него глаза закатились и из носа юха течёт.

Когда вынесли гроб наши все уже были на месте. Покойник напомнил мне плохо сделанный манекен. Помню, неприятно белые пальцы с серо-синими ногтями и вдавленные веки, казалось под ними нет глазных яблок. Ресницы будто наклеены. Ильяс Абубакирович.

Из подъезда появились сухонькая женщина в черном платке – вдова и Женька. Он был заплаканный и растерянный. Мы, как это положено, потянулись к нему выражать соболезнования.

– Да, спасибо. Хорошо, – он не глядя пожимал протянутые руки и как заведенный бормотал – Спасибо. Хорошо. Хорошо, спасибо.

– Женя, держись, братан – Кенжибетов так расчувствовался, что назвал Женьку братом – И не обижайся на меня.

– Спасибо, братан – отстраненно-безразлично повторил Женька – Я не обижаюсь – и не поднимая головы протянул свою пухлую белую ладонь навстречу смуглой лапе Кабана.

– Юнус! Подойди сюда! – негромко позвал седой старый татарин, который ставил табуретки. Настоящее имя нашего одноклассника Юнус. Юнус Ильясович Нигматуллин. А мы всё Женька-Женька. А он Юнус.

– Пойду за гаражи покурю, – сообщил окружающим Буля – я, когда волнуюсь, всегда курю.

Несколько пацанов решили составить ему компанию.

– Давайте скорее только, а то автобус никого ждать не будет.

Немыслимое дело. Классная услышала, что пацаны идут курить и не возмущается.

Татары сдержанный народ. На кладбище никто не кричал, истерик не устраивал. Я отошёл подальше, не хотел увидеть, как Женька будет с отцом прощаться. На обратном пути в автобусе модник Шалыгин с огорчением рассматривал заляпанные глиной белые

кроссовки и вслух сокрушался по этому поводу.

– Игорян, а хочешь я тебе прямо сейчас лицо набью? Просто так – предложил ему Кабан. Шалыгин услышал и замолчал. Отвернулся. Водитель высадил нас возле школьного забора.

– Так пацаны. Не расходимся! Разговор есть.

Мы встали в круг. Слушаем. Лёня Ким говорит, за его спиной стоит Арман и как бы своим авторитетом поддерживает всё сказанное.

– Так, пацаны- повторяет Лёня – с сегодняшнего дня если хоть кто пальцем Женю тронет. Пусть сам вешается. Рафа, всё понятно?

– Да я чо? Понятно.

– И если с других классов кто-то попробует обидеть. Сразу лезьте за него, ясно? Если сил не хватает, тогда срочно к Арману. Ну или кто поблизости. Никто не сачкует, все за Юнуса пишемся. Всё понятно?

Мы расходимся полные чувств, которые трудно выразить словами. Мы обязательно защитим попавшего в такую жуткую неприятность товарища. Теперь он всегда может рассчитывать. И с других классов желающие поиздеваться над смешным тостячком будут сразу и жестоко наказаны. Пусть только кто рискнёт.

Нас хватило примерно на месяц. Печально вспоминать, но через месяц никто уже не хотел думать о непоправимом горе в семье Нигматуллиных. Пошел вон, жирдяй. Вонючка.

А еще через полтора года закончился восьмой класс. И они все ушли из школы. Разбрелись по техникумам и ПТУ. Арман, Кабан, Лёня Ким и Буля. И Рафа ушел и братья-близнецы Таракановы. И Женька тоже ушел. Я больше никогда ничего о нём не слышал. Юнус Нигматуллин. Женька.

Я и сам после десятого навсегда покинул степной городок в Казахстане, последнее место службы отца перед ранней пенсией и вернулся на берега Днепра.

А Талгата Нигматуллина к тому времени уже не было в живых. Его забили насмерть сырой февральской ночью в квартире известного вильнюсского художника. И каратэ не спасло. Громкое преступление, о нём написали даже сдержанные советские газеты.

Леша ПАЛКИЧ. Teatr we kino sungaty